

РОДИТСЯ ЛИ В СПОРЕ ИСТИНА?

© 1992 г., ЭО, № 2 И. Л. Кызласов

О САМОНАЗВАНИИ ХАКАСОВ

Сегодня коренное население Хакасии в составе Российской Федерации повсеместно использует в качестве самоназвания имя *хакас*, *хакастар* — хакасы¹. Природа возникновения и содержание этого этнонима в изменяющихся исторических условиях до сих пор различно истолковываются учеными. Ряд положений той концепции, которая представляется автору этих строк наиболее историчной, нуждается в особом внимании. Однако, не будучи подробно изложенными в имеющейся литературе, они часто недооцениваются оппонентами, что приводит к непониманию и даже к порожденным им искажениям воззрений исследователей. Цель нашей статьи — способствовать устранению подобных неясностей и ошибок.

1. В бытующей ныне форме этноним *хакас* возвращен южносибирскому народу Советской властью. В апреле 1918 г., уже через полгода после образования, Минусинский Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов признал социальные и национальные права коренного населения тогдашних Минусинского края и Ачинского уезда вместе с его единым самоназванием *хакасы*². В дальнейшем, на всех этапах государственного социалистического строительства, это имя народа неизменно официально утверждалось всеми нормативными актами, вплоть до Конституции Союза ССР. Одновременно оно постоянно подтверждалось и самим населением, как в переписях, в паспортной и иной личностной документации, так и, что особенно важно, в повседневном быту.

Общеизвестно, что при царизме слово *хакас* не было официальным именем коренного населения. Однако совершенно ясно, что если бы оно не было известно задолго до 1917 г., оно не могло бы прозвучать из уст только что родившейся Советской власти. Нам остается лишь уяснить, в какой среде этноним *хакас* употреблялся тогда в этом своем качестве.

Есть две группы фактов, позволяющих понять ситуацию. Первая состоит из зафиксированных в литературе наименований интересующего нас южносибирского населения, существовавших тогда, когда это население рассматривалось как ясашные инородцы, принятые под «высокую руку» Российской империи. Официально хакасы именовались тогда минусинскими (абаканскими), кузнецкими и ачинскими татарами, т. е. вычленялись среди прочего подвластного населения прежде всего согласно национальному и административному делению государства. В результате единый народ был расчленен на три части, включенные в три разных уезда двух губерний. Зафиксированные в литературе, в том числе и в научной, бытовавшие среди хакасов самоназвания (*сагайцы*, *качинцы*, *койбалы*, *кызыльцы*) до сих пор расцениваются в этнографических и исторических сочинениях как имена былых племенных подразделений. На деле же появление этих этнонимов было искусственным. Их наименования стали столь же официальными, как и перечисленные названия «абаканские», «минусинские» и прочие «татары», потому что имена «племен» были введены царским правительством в связи с созданием административной системы с соответствующими инородческими думами (позднее — управами: Качинской, Койбальской, Кызыльской, Сагайской — первоначально Соединенных разнородных племен). С 1822 г. это «племенное» членение народа почти столетие внедрялось властями в сознание людей

и сегодня сохраняется в их памяти наравне с такими «обобщающими» этнонимами и названиями царского времени, как «татары» и «инородцы». Современные этнические подразделения хакасов и известный среди них этноним *тадар* («татарин»), таким образом, являются отголосками царской официальной административной системы разделения и «объединения» населения и распространявшихся этой системой этнонимов. Подобные правительственные установления в немалой степени способствовали оживлению и закреплению в памяти расчленяемого администрацией народа былой дробной системы узких этнонимов, восходящих к родовому строю, — имен общин-союзов.

Итак, литературные источники дооктябрьского периода не дают оснований для утверждения, что этноним *хакас* бытовал среди народа в качестве общего самоназвания. Однако необходимо помнить, что мы имеем дело с источниками или официальными, или отразившими официальную систему, и, следовательно, сама проблема этнической терминологии той эпохи не должна восприниматься нами упрощенно. Она требует глубокого, еще далеко не завершенного научкой исследования.

Вторая группа данных заключена в научной, прежде всего исторической литературе дооктябрьского периода. С конца XVIII в. в науке производились сбор и анализ письменных и археологических свидетельств о средневековом южносибирском государстве, название которого, как и имя его населения, читалось как *хакас*³ или *хагас/хягас*⁴. Этноним *хакасы* (в разных фонстических вариантах) утвердился для обозначения двух этих явлений исторического прошлого. Наука конца XVIII — начала XX в. в значительной степени рассматривала аборигенов бассейна Среднего Енисея как потомков древнего государства хакасов. Однако для решения интересующего нас вопроса этот аспект, пожалуй, не самый существенный. Значительно важнее уяснить главное: в дооктябрьский период официально-государственный и научный взгляды на этническую природу «инородцев», Южной Сибири были по существу диаметрально противоположными. Если правительственная система была объективно направлена на расчленение народа, то наука оставалась единственной, внешней по отношению к этносу силой, которая отстаивала его единство. Только наука выявляла и учитывала объединяющие хакасов черты лингвистической, этнокультурной и исторической общности. Несмотря на официальную идеологию и политику и даже вопреки им, в научной литературе коренное население представляло как единый этнический организм⁵.

Именно такой, глубоко научный взгляд на коренное население был естественно воспринят наиболее передовой частью российского общества — победившим революционным движением. Научная, точнее говоря, научно-историческая основа нового национального размежевания и строительства проявилась уже в самых первых шагах Советской власти в Сибири. Одним из них стало образование в начале 1918 г. Хакасского степного самоуправления во главе с Хакасским степным советом.

Таким образом, первый вывод, к которому мы приходим: сразу после победы революции органами Советской власти было возвращено хакасам не только право существования как самостоятельного и единого народа, но и общее этническое имя, выявленное наукой в отношении их прямых предков⁶. В этой древней и «книжной» форме — *хакас* — имя было сразу же воспринято всем народом, стало его самоназванием. Последние факты весьма важны и показательны. Они неопровержимо свидетельствуют о том, что решение Советской власти ни в малейшей степени не было искусственным, а сам этноним *хакас* не был для народа чужеродным. Учитывая дооктябрьскую ситуацию, известную нам по литературе, следует признать, что данное явление ранних лет Советской власти — принятие этнонима самим народом — нуждается в исследовании⁷.

Такова природа современного самоназвания хакасов.

2. Европейская и русская наука почерпнула слово *хакас* из древнекитайской литературы, где оно имело этнополитическое и этногеографическое значение: так

называлось государство, его земли и население⁸. Сравнение дальневосточных свидетельств о государстве *Хакас* со средневековыми письменными памятниками других народов (греко-, тюрко-, персо- и арабоязычных) привело историков к выводу о том, что в последних оно описывается под названием государства *Кыргыз*. Многие современные ученые пошли за «средневековым большинством» и именуют южносибирскую державу кыргызской — так, как и все некитайские источники. Если мы учтем, что и в некоторых китайских сочинениях употребляется имя *кыргыз*, а не *хакас*, то численное превосходство источников, содержащих этноним *кыргыз*, над теми, где упоминается наименование *хакас*, станет очевидным. Логическим завершением влияния на умы ученых этого количественного терминологического преобладания явилось стремление ряда исследователей употреблять в своих работах лишь одно наименование — *кыргыз*, полностью игнорируя термин *хакас*, традиционно применявшийся востоковедами недавнего прошлого.

Такое состояние исторической литературы оказало влияние и на синологию, в которой возникло утверждение, что самостоятельного термина *хакас/хагас* в китайских источниках нет. Его появление в научной литературе с этих позиций объясняется применением ныне устаревшей системы прочтения древних иероглифов. Следовательно, само слово *хакас* объявляется искаженным воспроизведением термина *кыргыз*⁹. Однако этот историко-фонетический пересмотр не находит полной поддержки среди китаистов¹⁰.

В то же время наиболее важным в этой историографической ситуации является, пожалуй, следующий парадокс. Введенный в научную литературу синологами древний термин *хакас/хагас* ныне уже не может быть из нее изъят исследовательскими ревизиями одних лишь китаистов. Следует помнить, что историческая и этнополитическая неоднородность и неоднозначность обозначений *хакас* и *кыргыз* в китайских письменных памятниках были показаны историками, получившими качественно новую источниковедческую базу для наполнения конкретным содержанием свидетельств дальневосточных хроник. Основой этого послужило не только надежное вычленение археологических памятников, оставшихся от «государства Хакас». Их осмысление привело во взаимосвязанную систему данные многих исторических дисциплин¹¹. Проблема существования в древности самого термина *хакас* вышла за пределы исторической фонетики китайского языка и письменности и ныне занимает самостоятельное место в аналогичных разделах тюркского и самодийского языкознания.

Такая количественная особенность гласных звуков в тюркских языках, как долгота, бывает первичной и вторичной. Последняя образуется несколькими способами. Но в языках Саяно-Алтая (прежде всего в тувинском, хакасском, шорском и североалтайских диалектах) господствует один путь образования долготы: она формируется при так называемом стяжении гласных, происходящем при выпадении разделяющих их согласных (наиболее часто — задненебно-язычных: *к/г, х/ф, н*), и параллельной ассимиляции гласных в соответствии с общими для тюркских языков законами сингармонизма. Подобное образование долгих гласных, на современном кириллическом письме обозначаемых удвоенным написанием соответствующей буквы, существует в живых тюркских языках Южной Сибири при различных формах словоизменений и словообразований (главным образом при присоединении к именным или глагольным основам различных аффиксов). Приведем примеры из хакасского языка: *азах* (нога) + *ы* (аффикс принадлежности) должно бы быть *азагы* (так как *х* озвончается в *г*), но дает *аза(х) + ы = азаа* (его нога; *ы* подвергается прогрессивной ассимиляции); *киме* (лодка) + *ге* (аффикс дательного падежа) = *киме(г)е = кимее* (лодке); *ойна* (играть) + *ган* (аффикс причастия прошедшего времени) = *ойна(г)ан = ойнаан* (игравший); *ну* (этот) + *кун* (день) = *ну(г)ун = нуун* (сегодня) и т. п.

Одной из особенностей названных языков Саяно-Алтая является существование практически только вторичных долгих гласных в самих словесных основах, появившихся в результате подобных изменений в фонетике их

языков-предков¹². Строгая закономерность таких фонетических процессов при сохранении качества древнего гласного былого первого слога (чего во многих других языках не наблюдается) дает надежную основу для реконструкции первоначального облика слов со вторичными долгими гласными этих современных языков Южной Сибири. Например, хакасских: *оол* (сын, парень) = $o(\varepsilon)ol = o(\varepsilon)ul = o\text{гул}$; *аас* (рот) = $a(\varepsilon)ac = a(\varepsilon)ыз = агыз$; *оос* (желток, молозиво) = $o(\varepsilon)oc = o(\varepsilon)уз = огуз$; *аар* (тяжело) = $a(\varepsilon)ар = a(\varepsilon)ыр = агыр$ и т. д.¹³

Взгляд с этих позиций на название одной из территориально наиболее распространенных групп хакасов — *хаос* (русское — *кач, качинцы*), равно как и на подобные этнонимы ряда соседних и удаленных сибирских и центральноазиатских народов — *хаас, хааш, хаасут* и т. п., позволяет уяснить, что в нем в закономерно измененной форме сохранился древний этноним. В соответствии с нормами местных тюркских фонетических трансформаций он реконструируется в виде *хагас* или *хахас*: $хаас = xa(\varepsilon/x)ac = хагас$ ¹⁴.

Настоящая выкладка лишает тюрколога любых сомнений в том, что древние китайские источники сохранили средневековый этноним в его тюркоязычном воспроизведении того времени. Возможно даже, что принятая Н. Я. Бичуриным форма *хагас* точнее передает это заимствованное китайцами название, чем более распространенное *хакас*.

Заимствованность этнонима *хакас* в китайских источниках ясна. Но и реконструированная форма *хагас/хахас* также является привнесением в тюркоязычную среду. Для нее отсутствуют тюркоязычные этимологии, но обнаруживаются смысловые соответствия в важнейшей части самодийской лексики — среди слов, выражающих понятия «люди», «человек», «мужчина»: *кас/хас, каса/хаса*¹⁵. В соответствии с этим первоначальная природа этнонима *хакас* выглядит как исконно самодийское построение *ха + кас/хас*, в котором первая часть, возможно, служит определением ко второй. При переходе в тюркоязычную среду, должно быть, произошло понятное в условиях ее фонетических закономерностей озвончение согласного в интервокальной позиции. Дальнейшее уяснение этимологии этнонима *хакас* связано с исследованием в области исторической лексикологии и фонологии самодийских языков Сибири

Таким образом, второй вывод, к которому мы приходим: существование этнонима *хакас/хагас* в средневековье суть историческая реальность. Этот факт подтверждается наличием современной производной от него формы *хаас/хааш*. Тюркологические данные делают беспочвенным скепсис по поводу правильности прочтения этого этнонима китайцами прошлого. Свидетельства его существования, независимо полученные в двух областях лингвистического востоковедения, подтверждаются наблюдениями над самодийской лексической этимологией, а все это вместе полностью соотносится с основными особенностями исторического процесса в районе Саяно-Алтайского нагорья. Вместе с тем тюркологические наблюдения, пожалуй, объясняют быстроту и единодушие, с которыми коренное население Присяянья восприняло после Октября имя *хакас* как самоназвание.

3. Письменные источники сохранили до нашего времени два различных наименования одного и того же средневекового енисейского государства: *Кыргыз* и *Хакас*. Суть данной ситуации уже выявлена историками; содержание и, следовательно, различие двух терминов ясны: *кыргыз* есть наименование правящего рода этой державы, а *хакас* — всего его населения, имевшего смешанную этническую и даже различную языковую принадлежность¹⁶.

Какое же из двух названий древней державы, сложившейся на Среднем Енисее, и ее населения следует предпочесть и по каким причинам?

Строго говоря, средневековое южносибирское государство можно называть, по имени его аристократического рода, кыргызским. В этом нет ничего неточного, ибо мы следовали бы за средневековой международной традицией, признававшей и правящим слоем самой страны. Нет в этом и ничего необычного, ибо примеров подобного формирования государственных наименований во всемирной истории

множество (Русь, Чехия, Польша, Франция, Болгария и т. п.). Наконец, в этом продолжалась бы традиция начального русского названия этих владений как «Кыргызской земли» в XVII в. Однако, оценивая научную строгость такого названия, следует учесть два существенных обстоятельства.

В рассматриваемую раннесредневековую эпоху во всех источниках термин *кыргыз* имел прежде всего политическое содержание. Его этническая суть в отличие от других подобных случаев никогда не распространялась за пределы правящего аристократического рода, не стала наименованием средневековой народности, общим именем этнического ядра державы. Поэтому и употребление самого термина в научной литературе может быть оправданным лишь в политическом смысле — для наименования государства, владений, системы управления и т. п. Применение же термина *кыргыз* (кыргызы) как этнонима — названия более широкого, чем имя правящего рода, — для определения этнически характерной культуры, языка, физического облика и других общих характеристик населения этого государства и его коренной территории неправомерно.

Осознавать это особенно важно еще и потому, что историческая судьба имени *кыргыз* не ограничилась указанной спецификой его бытования в средневековом южносибирском государстве. После гибели этой державы название *кыргыз* сохранилось не только среди некогда входившего в нее населения в пережиточно-прежней форме родового наименования (подразделения-сеоки алтайцев, хакасов, тувинцев и других современных народов). Это имя, попав в период наибольшего расцвета государства в IX—X вв. на новую этнополитическую почву, после гибели южносибирской державы распространилось в среде некогда позаимствовавшего его народа. В самом факте такой «передачи» наименования нет ничего необычного. Подобные ситуации в истории известны, и на этом нет нужды останавливаться. Значительно важнее осознать другое. Только в среде прямых позднесредневековых центрально- и среднеазиатских предков современных киргизов имя *кыргыз* приобрело значение народного самоназвания, стало подлинным этнонимом.

Таким образом, третий наш вывод: термин *кыргыз* прошел в эпоху средневековья два этапа развития, и содержание его на каждом этапе было различным¹⁷. На первом он имел политическое значение в качестве определения феодального государства и очень узкую этнонимическую (точнее — этносоциальную) функцию, служа наименованием только правившего аристократического рода. Этот этап завершился вместе с гибелью енисейского государства в конце XIII в., хотя его пережиточные черты продолжали существовать в Южной Сибири вплоть до Октябрьской революции в наименовании и социальном статусе местных общин-сеоков. На втором этапе, начавшемся, видимо, в XIV—XV вв., но ясно обозначившемся не ранее XVII—XVIII вв., произошло своеобразное перераспределение роли политической и этнической составляющих термина *кыргыз*. Он приобрел прежде всего этническое значение в качестве самоназвания крупного тюркоязычного народа восточной части Средней Азии, а его политическое значение, ясно осознаваемое на первых порах восприятия термина в новой среде его носителей, сильно уменьшилось. Вновь политическое значение термина *кыргыз* возросло лишь с образованием Киргизской ССР¹⁸. Новым содержанием наполнилось оно при образовании Республики Кыргызстан.

Только с осознанием и разграничением сути термина *кыргыз* на двух этапах его средневековой истории допустимо его использование в научной литературе. Сегодня в исторических сочинениях, к сожалению, господствует иное употребление слова — прежде всего как этнонима. Даже терминологическое разграничение «енисейских кыргызов» и «тяньшаньских киргизов» несет прежде всего географическое, а не этноисторическое размежевание.

Из сказанного проистекает, что при упоминании древнего кыргызского государства возникает неправомерное смешение его истории с историей современного киргизского народа (усиливающееся ныне возвращением в официальное обращение национальной и древней формы его написания и произношения — *кыргыз*). Этим

создается путаница, неизбежно приводящая к ошибочному восприятию реального исторического процесса, совершенно ложному его истолкованию, что в свою очередь не позволяет проводить конкретно-исторические изыскания. В этом не заинтересованы ни исторические потомки древней державы — ряд так называемых малых народов Сибири, ни, что не менее важно, современный киргизский народ.

Таковы причины, заставляющие нас признать непродуктивным наименование древнего южносибирского государства киргизским. Желательно оставить понятие «древние киргизы» за прямыми предками киргизского народа.

4. Второе наименование древней державы, сохраненное китайскими хрониками, имеет преимущество перед названием *кыргыз* уже в том, что лишено связанных с ним, отмеченных выше сложностей и недостатков. К тому же, согласно летописям, возникнув от смешения аборигенов-динлинов и пришельцев-кыргызов, объединение Хакас/Хагас — в этническом плане понятие более широкое. Обозначая разноплеменное и первоначально, вероятно, даже разноязыкое население, включавшее в себя как один из элементов и самих кыргызов, это наименование относится к термину *кыргыз* как общее понятие к частному. В силу этого употребление слова *хакас* для обозначения раннесредневекового государства на Енисее дает историку еще одно преимущество — обладание летописным термином, отражающим сложность этнополитических процессов, происходивших при сложении нового исторического образования, ставшего ядром южносибирского государства. Сохранившиеся до наших дней формы древнего слова *хакас* — *хаас/хааш* и их ареал свидетельствуют, что со временем этот изначально политический термин стал этнонимом и обозначал тюркоязычное население. Еще предстоит выяснить, когда это произошло (в качестве этнонима слово отмечается уже в источниках X в.)¹⁹ и какие изменения претерпело содержание этого наименования в разных исторических условиях. Однако сам факт сохранения термина *хакас* на тех же территориях, для которых его впервые отмечают древнекитайские источники, — еще одно подтверждение правомерности его употребления для наименования средневекового южносибирского государства.

При подобном использовании термина *хакас* есть только одна серьезная сложность, как представляется, в немалой степени обусловившая критическое его восприятие рядом историков. Таково полное внешнее соответствие этого наименования названию современного хакасского народа. Вполне понятно, что при учете этого обстоятельства было бы совершенно антиисторично называть средневековое южносибирское государство хакасским. Этого противоречия не знали историки дооктябрьского периода, безоговорочно писавшие о хакасах и хакасском государстве по отношению к древности и средневековью. Ныне же термины *хакас* и *хакасский* целиком принадлежат современной южносибирской народности, являются определением свойственных ей этнических и культурных особенностей. Современный этап существования возрожденного древнего имени лишает историков возможности употреблять его в чистом виде для обозначения средневекового енисейского государства. Однако поскольку у термина *хакас* есть и древнее, и современное содержание, ничто не мешает историку говорить о древнехакасском государстве и древних хакасах. Эти словосочетания имеют строгое научное содержание и, естественно, не тождественны современному смыслу слов *хакас* и *хакасский*, как, скажем, не тождественны друг другу понятия *древнерусское* и *русское*.

Таким образом, четвертый наш вывод: называя средневековое государство древнехакасским, историки проводят обоснованное разграничение явлений прошлого и настоящего. Термины *древнехакасское* и *хакасское* имеют различное историческое содержание и не могут быть взаимозаменяемы.

Лишь при неисторичном подходе и смешении этих двух различных терминов — *хакасское* и *древнехакасское* — могут возникнуть непонимание и неверное толкование работ о южносибирском средневековье, использующих соответствующую лексику.

Наследие древнехакасского государства ни в коей мере не может расцениваться как достояние лишь современного хакасского народа. В неменьшей степени оно принадлежит другим современным народам Сибири (тувинцам, алтайцам, тофаларам, шорцам, чулымским тюркам и т. д.). Древние и средневековые хакасы были единым субстратом всех названных народов. Целью исторических исследований должны стать выявление и обоснование этого важнейшего положения. Громадной исторической значимостью обладает факт былого вхождения исторических предков всех южносибирских народностей в одно средневековое государство. Задача историков — выявлять общие этноисторические и культурные корни коренных саяно-алтайских народов. При осознании данных конкретно-исторических условий исследование этногенеза и этнической истории каждого из этих народов перерастает в работу по выявлению их глубинной исторической близости, получившей новое содержание при общем вхождении в Российское государство, особенно в послеоктябрьский период его существования.

Примечания

¹ По данным переписи 1989 г., численность хакасов составляет 80 тыс. человек.

² В 1988 г. исполнилось 70 лет принятию первого акта хакасской советской государственности — «Положения о Хакасском степном самоуправлении» (Борьба за власть Советов в Хакасии. 1917—1923 г. Абакан, 1961. С. 116—123).

³ Транскрипция европейской синологии, утвердившаяся и в русской историографии. См., например, из ранних сочинений: *Visdelou C. Histoire abrégée de la Tartarie*//Bibliothèque Orientale. P., 1779; *Klaproth J. Sur quelques Antiquités trouvées en Sibirie*//Journal Asiatique. T. II. № 7. 1823; *idem. Mémoires relatifs à l'Asie*. P., 1824—1826; *Abel-Rémusat J. P. Mémoires sur plusieurs question relatives a la géographie du l'Asie Centrale*. P., 1825.

⁴ Транскрипция Н. Я. Бичурина (*Иакинф*, монах. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. СПб., 1851).

См., например, *Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Даунгарской степи*. Ч. II, СПб., 1868. С. X, XII.

⁶ Постановление Губернской административной комиссии от 16 ноября 1922 г.: «4. Выделяемому уезду присвоить название „Хакасский“, по древнему названию народности, ныне его населяющей» (Хакасский уезд. Документы и протоколы Губадминкомиссии, представленные ВЦИКу. Красноярск, 1923. С. 29).

⁷ Сразу же после восстановления Советской власти на Енисее в государственных документах фиксируется чрезвычайно важное для нас утверждение о существовании общего для всего народа имени «хакасов, как называют они себя» (Хакасский уезд. С. 20).

⁸ *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950; *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

⁹ *Яхонтов С. Е.* Древнейшие упоминания названия «киргиз»//Сов. этнография (далее — СЭ). 1970. № 2.

¹⁰ Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар)//Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 128; *Моржанов В. М.* Из истории взаимоотношений уйгуров с Китаем в IX веке (по китайским источникам)//9-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 1978. С. 187.

¹¹ *Кызласов Л. Р.* К вопросу об этногенезе хакасов//Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. VII. Абакан, 1959; *его же.* Взаимоотношение терминов хакас и кыргыз в письменных источниках VI—XII веков//Народы Азии и Африки, 1968. № 4; *его же.* История Тувы в средние века. Гл. IV. М., 1969; *его же.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 52 сл.

¹² *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961. С. 33—37; Грамматика хакасского языка/Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1975. С. 19 сл.

¹³ В алтайском и киргизском, например, древнее качество начальных гласных утрачено и слова приобрели иной облик: уул (сын), оос/ооз (рот), уур/оол (тяжело) и т. д.

¹⁴ Впервые высказано С. В. Киселевым (*Киселев С. В.* Из древней истории Хакасии//Сов. Хакасия. № 169. 1945, 24 августа); *Доможаков Н. Г.* О некоторых особенностях сагайского и хааского (качинского) диалектов//Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. IV. Абакан, 1956. С. 65.

¹⁵ *Прокофьев Г. Н.* Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна//СЭ. 1940. Т. III (этноним *карагас* автор полностью переводит с самодийского — «журавлиные люди»); *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727. T. I. V., 1962. S. 163; *Потанов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 289, 303 (приведены данные из рукописного словаря Г. И. Спасского 1806 г.).

¹⁶ См. названные работы Л. Р. Кызласова.

¹⁷ В досредневековый период у этого термина был еще один этап развития, зафиксированный ханьскими хрониками с III в. до н. э., но его рассмотрение не входит в нашу задачу.

¹⁸ Советский этап — четвертый в истории существования этнонима *кыргыз*.

¹⁹ Тан хуйяо. Гл. 100: «...ныне посол говорит, что они сами имеют это название». См.: Яхонтов С. Е. Указ. раб. С. 111; Кюнер Н. В. Китайские историки-летописцы о хакасах. Библиографический обзор // Уч. зап. Хакасского ПИИЯЛИ. Вып. III. Абакан, 1954. С. 141. № 64.

On the Ethnonym «Khakas»

The ethnic name «Khakas» was given to the aboriginal population of the Middle Yenisei Valley by the Soviet Government in 1918. It was not used during the Tsarist period at all. The name was familiar in 18th century to European scholars and likewise was referred to in ancient Chinese sources. The latter used this name for the medieval South Siberian State, for its territory and population. In the chronicles of other peoples this state was known as «Kirghiz», a similar reference being made by several contemporary historians as well. Some sinologists consider the term «Khakas» to be a mistake deriving from mis-spelling the hieroglyphs which convey the other linguistic forms of the same name «Kirghiz». This viewpoint not only contradicts the historical analysis of data in Chinese chronicles, where these words have different meanings, but is also hardly compatible with the evidence of Turkology. In the Turkic languages of South Siberia long vowels were forming historically, by the draving together of two short vowels and by loosing the intermediate consonants *k/g, q/ǰ*. That is why the reconstruction of ancient linguistic forms on the base of contemporary ones seems to be a reliable approach. So the ancient form (*qaγas/qaqas*) of the contemporary ethnonym *qas/qax*, widespread in Southern Siberia and Central Asia, can be easily reconstructed. It was this ethnonym which had the form «Khakas/khagas» which was found in the historical works by European and Russian sinologists in the 18—19 centuries. The veracity of the existence of these more ancient forms is historically uncontestable. In the Middle Ages «Kirghiz» referred either to the ruling clan of the Ancient Khakas or to the tradition of the time to refer by the same name to all the subjects of their state but it was not used as an ethnonym. It is therefore incorrect to use it in reference to the population of the Yenisei in the Middle Ages in the way some contemporary scholars have done.

I. L. Kyzlasov

© 1992 г., ЭО, № 2 С. Г. Кляшторный

О статье И. Л. Кызласова
«О САМОНАЗВАНИИ ХАКАСОВ»

Статья И. Л. Кызласова касается не только самоназвания хакасов, но и различных наименований этого народа в разные исторические эпохи. Прежде всего выделим то, в чем И. Л. Кызласов безусловно прав: в XIX—XX вв., когда этнография хакасов не была еще предметом научных изысканий, хакасы в какой-то степени осознавали свое этническое единство. Вопрос об экзоэтнонимах и эндоэтнонимах этого, по словам И. Л. Кызласова, «единого этнического организма» более сложен, но для краткости может быть сведен к нескольким основным тезисам.

1. До недавнего времени вопрос сводился к обсуждению места в хакасской этнонимии трех терминов: *кыргыз, хакас, тадар (татар)*. Исследование известного специалиста в области древнекитайской фонетики С. Е. Яхонтова показало, что заимствованный из китайских источников и введенный в научный оборот Н. Я. Бичуриным термин *хагас/хакас*, принятый в 1918 г. по желанию национальной интеллигенции в качестве самоназвания, есть неточная транскрипция термина *кыргыз*. Попытка критики И. Л. Кызласовым выводов С. Е. Яхонтова ссылками на иное мнение «лингвистов-китаистов» Н. Ц. Мункуева и В. М. Моржанова несостоятельна хотя бы потому, что оба почтенных синологов отнюдь не лингвисты и тем более не специалисты в области исторической фонетики китайского языка.